

М. Алданов

Д. С. Мережковский

Некролог

О каждом человеке нетрудно написать некролог обычного типа, -- с надлежащими прилагательными в надлежащих степенях. Обычай подобных некрологов очень стар и очень хорош. Но именно о Д. С. Мережковском *так* писать не хочется. В громадном большинстве случаев краткие строки некролога навсегда завершают то, что о человеке пишется: больше о нем никто писать не будет, -- кончено. Тогда действительно *de mortuis...* {О мертвых [либо хорошо, либо ничего] (*лат.*).} Однако Дмитрий Сергеевич был явлением исключительным: писать о нем будут долго, он имеет на это достаточно прав.

Это был человек выдающегося ума, блестящего литературного и ораторского таланта, громадной разностороннейшей культуры, -- один из учений людей нашей эпохи. Судьба послала ему долгую жизнь. Он проработал в литературе почти шестьдесят лет, написал несколько десятков толстых книг, встречался со всеми своими известными современниками: ведь он разговаривал с Достоевским! (из писателей, видевших Достоевского, теперь остается в живых один А. А. Плещеев). Д. С. Мережковский был знаменит: его книги, особенно "Леонардо да Винчи", в разных переводах можно было найти в любом книжном магазине любой страны Европы. Добавлю, что свою известность он носил в высшей степени просто: генеральство было совершенно чуждо его натуре. Это была одна из многих привлекательных его черт.

Служил он всю жизнь одной -- очень большой -- идее. Но и ее сторонники, и люди ей чуждые относились к этому служению сдержанно, -- чтобы не сказать холодно. Д. С. Мережковский всю жизнь мечтал о "последователях". Их у него не было. Факт сам по себе обычный и, по общему правилу, не столь важный: у кого же из русских писателей были последователи? Едва ли не у одного Толстого, да и то лишь как у автора "Так что же нам делать". Но другие русские писатели к этому и не стремились, тогда как Д. С. Мережковский об отсутствии у него последователей говорил иногда как о кресте своей жизни. Ему часто казалось, что его просто не принимают всерьез. И в этом действительно была доля правды.

-- "Я был молод, -- вспоминал Мережковский в своей прекрасной статье о посмертном издании писем Чехова, -- мне все хотелось поскорее разрешить вопросы о смысле бытия, о Боге, о вечности. И я предлагал их Чехову как учителю жизни. А он сводил на анекдоты да на шутки. Говорю ему, бывало, о "слезинке замученного ребенка", которой нельзя простить, а он вдруг обернется ко мне, посмотрит на меня своими ясными, не насмешливыми, но немного холодными, "докторскими" глазами и промолвит: "А кстати, голубчик, что я вам хотел сказать: как будете в Москве, ступайте-ка к Тестову, закажите селянку, -- превосходно готовят -- да не забудьте, что к ней большая водка нужна". Мне было досадно, почти обидно: я ему о вечности, а он мне о селянке".

Самое интересное в этом воспоминании одного знаменитого писателя о другом то, что сам Мережковский признавал Чехова совершенно правым: "Надо было наговорить столько лишнего, сколько мы наговорили, надо было столько нагрешить, сколько мы нагрешили святыми словами, чтобы понять, как он (Чехов) был прав, когда молчал о святине. Зато его слова доныне -- как чистая вода лесных озер, а наши, увы, слишком похожи на трактирные зеркала, засиженные мухами, исцарапанные надписями".

Это была его очень привлекательная черта: он признавал свои ошибки и сознавался в них откровенно, -- каялся. Казалось бы, по всей его природе Чехов должен был быть вполне ему чужд, должен был даже возбуждать у него враждебность. Им и спорить было не о чем. Как почти все русские критики и историки, Д. С. Мережковский считал религиозность основной, главной и драгоценнейшей чертой русской литературы. Но Чехов, один из величайших и самых "русских" писателей России, никак не укладывался в его основное положение. -- "Интеллигенция пока только играет в религию и главным образом от нечего делать. Про образованную часть нашего общества можно сказать, что она ушла от религии и уходит от нее все дальше и дальше, что бы там ни говорили и какие бы религиозно-философские общества ни собирались. Хорошо ли это или дурно, решить не берусь, скажу только, что религиозное движение, о котором вы пишете, -- само по себе, а современная культура -- сама по себе, и ставить вторую в причинную зависимость от первого нельзя", -- писал Чехов Дягилеву 30 декабря 1902 года. В другом, позднейшем письме, написанном за год до его смерти, он на предложение войти в редакцию "Мира Искусства" дал следующий ответ: "Как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время, как я давно растерял свою веру и только с недоумением оглядываюсь на всякого интеллигентного верующего. Я уважаю Дмитрия